

Гу Шаобай не повернулся. Через некоторое время он хрипло произнес:

— Что это?

Его не зажившее горло снова наполнилось горечью, которая даже заглушила жгучую боль.

Му Цинфэн смотрел на его спину, где прядь непослушных черных волос пробилась сквозь белый воротник.

Наконец, он протянул руку и убрал волосы, затем подошел к Гу Шаобаю.

— Когда ты согласишься быть со мной, тогда я и отпущу тебя.

Гу Шаобай поднял голову, и гнев вырвался наружу:

— Значит, ты собираешься держать меня в заточении.

— Нет, я сказал, выбор за тобой. Если ты согласишься сейчас, то получишь свободу.

Гу Шаобай рассмеялся от ярости:

— А если я никогда не соглашусь?

— Тогда так и будет. Это то же самое, что согласиться.

Гу Шаобай был настолько разъярен, что не мог говорить. Он смотрел на спину Му Цинфэна в официальной одежде:

— Не заставляй меня ненавидеть тебя еще больше!

Тот даже не обернулся, словно с улыбкой произнес:

— Тем лучше...

После дворцового собрания Му Цинфэн не вернулся в свою резиденцию, а сначала заехал в усадьбу Чжоу, чтобы обменяться парой колкостей с Гу Шаобаем, а затем сел в карету и отправился в Министерство финансов.

Министр финансов Ван Цзянь уже давно ждал его в канцелярии. Увидев Му Цинфэна, он сразу подал чай. После собрания Му Цинфэн отправил человека сообщить, что приедет проверить заготовки зерна для северной армии.

Заместитель министра Цуй Тунчжи принес книги учета зерна, которые почти заполнили весь стол.

Му Цинфэн лишь бегло просмотрел их, попросил предоставить маршруты доставки, даты и списки сопровождающих, затем вернул их Цуй Тунчжи и задал несколько вопросов:

— Сколько партий зерна уже отправлено, какие маршруты используются, те же, что и раньше? Все ли прошло гладко?

Ван Цзянь почтительно ответил:

— Ваше высочество, отправлено три партии. После инцидента с ограблением маршруты были

пересмотрены, они отличаются от прежних. Все прошло спокойно, и зерно прибыло в срок...

Му Цинфэн кивнул:

— Хорошо. Чем дальше на север, тем холоднее. В некоторых местах уже начался снег. Следующая партия будет последней, ее нужно отправить до начала зимы. Увеличьте количество охраны, так как зимой северные дороги будут непроходимы из-за снега и льда.

Ван Цзянь кивал, соглашаясь с каждым словом князя.

Проводив серьезного Му Цинфэна, Ван Цзянь вытер пот со лба и облегченно вздохнул. Он велел Цуй Тунчжи отправить книги учета обратно в архив, а сам, надев теплую одежду, тайком ушел. Он недавно женился на новой наложнице, и они были в самом разгаре медового месяца.

Цуй Тунчжи вызвал главного чиновника склада, чтобы тот разобрал архивы, а сам отправился в небольшую таверну на углу улицы.

В углу сидел худощавый мужчина средних лет. Цуй Тунчжи сел напротив него и тихо произнес:

— Господин Дуань...

Дуань Яньчэнь поднял руку, огляделся и наклонился, чтобы выслушать.

Му Цинфэн вернулся в свою резиденцию и переоделся в повседневную одежду. Он только что написал письмо и передал его Лэн Дуну, приказав тайно доставить его командиру дворцовой охраны Ван Сымину.

В это время вошел Лин Минь. За последние дни, благодаря заботам Ли Чжишаня, его изможденное лицо немного округлилось, что выглядело куда приятнее.

— Похоже, Ли Чжишань действительно знает свое дело. Теперь ты больше не похож на призрака, — сказал Му Цинфэн, наливая ему чашку чая.

Лин Минь улыбнулся. Он знал свое тело — можно восстановить силы, но не продлить жизнь.

— Князь, я тоже немного разбираюсь в медицине, но должен признать, что мастерство Ли Чжишаня действительно впечатляет.

Му Цинфэн ответил:

— Побудь здесь подольше, наберись сил, а потом возвращайся в свою глушь, в страну Юэвэй.

Страна Юэвэй находилась на крайнем юге, окруженная густыми лесами, с прекрасными пейзажами и суровыми, но простодушными жителями. Слова Му Цинфэна были просто шуткой.

Лин Минь рассмеялся:

— Ты что, собираешься откормить меня, как свинью? — Он отхлебнул чай. — Но сейчас я действительно не могу вернуться. Господин Гу со всеми мягок, как шелк, но с тобой он становится твердым, как сталь. А ты сам упрям и непреклонен. Боюсь, если вы снова поссоритесь, это может закончиться плохо, и все мои усилия окажутся напрасными.

Му Цинфэн поставил чашку на стол и серьезно сказал:

— Честно говоря, уже закончилось плохо.

Лин Минь был крайне удивлен.

Лин Минь последовал за Му Цинфэном в усадьбу Чжоу.

Он знал это место — именно здесь он активировал формацию Разрыва Души, чтобы вернуть Гу Шаобая к жизни.

Лин Минь кивнул Му Цинфэну, показывая, чтобы тот подождал снаружи.

Когда он вошел в комнату, Гу Шаобай сидел за столом и писал письмо. Несколько строк вышли неровными и корявыми.

Его правую руку, которую пронзил меч Гуаньсинь, даже после заживления требовала времени для восстановления. Хотя он мог держать кисть, его почерк был далек от прежнего изящества.

Услышав шаги, Гу Шаобай поднял голову:

— Лин Минь, ты пришел!

Он ушел в ту ночь в гневе, но потом, подумав, почувствовал сильное чувство вины перед Лин Минем.

Как бы то ни было, Лин Минь пожертвовал десятилетиями своей жизни и потерял много сил, чтобы вернуть его к жизни. Это был искренний поступок, а он ответил ему грубостью. Вспоминая это, он чувствовал себя крайне неловко.

Он положил кисть на подставку и пригласил Лин Миня сесть в кресло у окна. Сам тоже сел.

Чжоу Юань принес ароматный чай и тарелку фруктов.

Гу Шаобай выбрал ярко-желтый мандарин, очистил его, аккуратно убрал прожилки и протянул Лин Миню:

— Лин Минь, я давно хотел извиниться перед тобой. В тот день я был груб, и мне очень жаль. На самом деле, я искренне благодарен тебе. Надеюсь, ты не держишь на меня зла.

Лин Минь улыбнулся и покачал головой, тронутый его словами. Гу Шаобай был чист душой, словно святой, достигший просветления в прошлой жизни. Его сердце было кристально чистым.

Но почему этот человек, который никому не желал зла, мог причинить боль Му Цинфэну?

Сладкий и слегка кислый сок мандарина наполнил его рот, но, увидев черную цепь, тянущуюся от ноги Гу Шаобая, он почувствовал горечь.

— Шаобай, можно я так тебя назву?

Гу Шаобай радостно кивнул:

— Конечно! Ты ведь мой спаситель.

Лин Минь сжал дольку мандарина и через некоторое время вздохнул:

— Шаобай, зачем ты так мучаешь себя? Твои чувства, возможно, другие не понимают, но я догадываюсь. Ты не безразличен к нему.

Гу Шаобай, переполненный чувствами, которые он не мог никому рассказать, вдруг почувствовал, что хочет поделиться ими с Лин Минем. Возможно, он слишком долго держал их в себе, и Лин Минь стал тем, кому он мог довериться.

Через открытое окно в комнату врывались тонкие струйки дождя — снова начался осенний дождь.

Он встал, закрыл окно и снова сел.

Тишина наполнила комнату холодом осенней ночи. Они долго молчали, их бледные лица в свете лампы напоминали два фарфоровых изваяния.

Гу Шаобай устался на алый абажур лампы и медленно произнес:

— Лин Минь, я... не ненавижу его. Наоборот, я люблю его. Но такие чувства противоречат морали и не будут приняты обществом. Он — член императорской семьи, как он может бросить все ради меня? Даже если он готов пожертвовать всем, я не могу позволить ему это сделать. Я не боюсь умереть, но боюсь, что император разгневется и уничтожит всю мою семью...

— ...Лучше бы я умер в прошлой жизни...

Его голос дрожал, и он едва сдерживал слезы. Хриплый звук его голоса витал в тихой комнате, как дым, который рассеивался, не задерживаясь.

Лин Минь молча смотрел на него. Он понимал его.

Он слишком упрощал. В их стране Юэвэй, если двое любят друг друга, им не нужны свадебные церемонии. Они могут просто связать свои волосы под деревом Юэвэй и быть вместе всю жизнь.

Но здесь, в Великой Империи, в центре цивилизации, ценили ритуалы и мораль.

Знатные люди могли посещать публичные дома или держать любимцев, и это было лишь поводом для шуток среди коллег. Даже если это доходило до ушей императора, он закрывал на это глаза. Но если это становилось слишком явным и скандальным, император приказывал Министерству церемоний вынести выговор и понизить в должности.

Теперь Лин Минь понимал, что жестокость Гу Шаобая была оправдана.

Мысль о том, что князь И Великой Империи возьмет мужчину в жены, даже если император согласится, вызовет волну протестов среди чиновников и цензоров. Тогда в чайных рассказчики будут пересказывать эту историю, а народ начнет писать книги на эту тему. Император, возможно, предпочтет повеситься.